

Спасти нельзя оставить. Сбежавшая невеста

Автор:

[Вера Чиркова](#)

Спасти нельзя оставить. Сбежавшая невеста

Вера Андреевна Чиркова

Спасти нельзя оставить #1

Леаттия Брафорт, наследница старинного, но обедневшего и потерявшего все привилегии рода, считала себя самой счастливой девушкой города, если не страны. Ее выбрал в жены сам герцог и уже пять лет терпеливо ждал момента, когда юная невеста достигнет совершеннолетия, попутно забрасывая ее подарками, нарядами и цветами. Счастливая сказка рассыпалась пеплом в тот же миг, когда Леаттия увидела изуверские забавы своего возлюбленного. С той минуты она желала лишь одного – сбежать подальше от жестокого монстра. И знала наверняка, что мечтает о невозможном, ведь его светлость позаботился о надежных оковах для своей избранницы.

Вера Чиркова

Спасти нельзя оставить. Сбежавшая невеста

Глава первая

– Войдите! – Леаттия привычно отерла платочком слезы и отвернулась от окна.

– Добрый день, ваша милость. – В дверях стояла немолодая, очень худая женщина в сером плаще и черных поношенных шелковых перчатках. – Простите

за беспокойство, но у меня небольшой вексель.

– Давайте. – Леа прошла к столу, опустилась на свое место и взмахом руки предложила незнакомке сесть. – Когда ее милость брала у вас деньги?

– Не брала ваша матушка денег, а купила свечи и полотно, – так и не села посетительница. – Для себя, как я поняла.

Женщина положила перед Леаттией расписку на шестьдесят серебряных, быстро оглянулась и ловко сунула девушке свернутую крохотным квадратиком бумажку.

– Что? – Графиня Брафорт ошеломленно подняла взор и увидела сначала умоляющие глаза гости, а потом и ее палец, прижатый к губам в немой просьбе о молчании.

– Тут все написано, – склонившись к листку и водя пальцем по строчкам, начала пояснять незнакомка, убедившись, что девушка все поняла верно и слуг звать не будет. Потом еле слышно добавила: – Раньше я прийти не могла... не хотела вас расстраивать.

– Шестьдесят монет меня не расстроят. – Проверив подпись и оттиск печати, хозяйка достала кошель и услышала над ухом торопливый шепоток:

– Прочтите в умывальне и сожгите... умоляю. Иначе мне не жить.

Не считая, забрала монеты, раскланялась и исчезла так же внезапно, как появилась.

Леаттия разжала кулак, неверяще оглядела нежданное послание и почти сразу увидела свое имя, выведенное до боли знакомым бисерным почерком. Вот этого, совершенно невозможного подарка она никак не ждала от коварной судьбы, и сложный букет эмоций, от безумной надежды на спасение до вновь обострившейся боли потери вмиг расцвел в ее душе, заставив едва слышно застонать. Однако девушка тут же спохватилась, сумела подавить желание расплакаться и, поспешно приподняв подол, сунула конвертик в чулок. А потом решительно направилась в умывальню и в этот раз запирала дверь с особой

старательностью.

Постепенно успокаиваясь и начиная обдумывать случившееся, графиня с горечью и раскаянием осознала, насколько сильно рисковала незнакомка. Ей вообще сказочно повезло. Если бы Леа до сих пор оставалась в прежнем неведении насчет любовных предпочтений своего жениха, как всего луну назад, то непременно подняла бы шум и погубила и себя, и гостью. Но теперь, когда юная графиня успела прозреть и побывать на самом дне пропасти, зовущейся безнадежностью, она собиралась в точности исполнить все указания тайного спасителя. Ведь кроме этого непрочитанного еще послания никакой надежды на избавление от страшной участи у нее нет. И даже если здесь Леаттию ждет ловушка, хуже все равно уже не будет.

Просто не может быть ничего страшнее случайно подсмотренной сценки, вдребезги разбившей жизнь девушки и до сих пор стоящей у нее перед глазами.

Мать тогда еще держалась, но к вечеру ей резко стало хуже, и растерявшаяся, перепуганная Леа отважилась попросить помощи у жениха. Разумеется, его светлость герцог Манрех Кайор Брафортский вовсе не сам должен был сидеть возле постели будущей тещи, а прислать лекаря и опытную сиделку, у его невесты к этому времени из всех слуг остались лишь семейная пара, горничная и повар. Да и те устроились всего год назад и проявили необычайное упорство, уговаривая матушку их принять. Но лишь после смерти графини Расельены Гардез Брафорт девушка поняла, откуда они взялись так кстати. И где получают основное жалованье, причем вовсе не за обязанности простых слуг.

А в тот день, не найдя от отчаяния лучшего выхода, Леа накинула темный плащ с капюшоном и побежала во дворец, благо находится он всего в пяти минутах ходьбы.

Сухощавый и длинноносый дворецкий, смерив невесту господина пронзительным взглядом, лично провел ее в парадную гостиную второго этажа и настойчиво попросил подождать, у его светлости важный гость.

И Леа честно ждала, даже в мыслях не допуская возможности выйти из комнаты и лично отправиться искать его светлость. Но вот усидеть на месте не смогла, от волнения за матушку нервно ходила по комнате и в какой-то момент оказалась возле распахнутой двери на галерею, проходящую вдоль всего здания. Безо

всякого сомнения шагнула прочь из комнаты, беспокойно прошлась взад-вперед по широкому балкону и, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, принялась рассматривать сад и постройки, прикидывая, где будет гулять после свадьбы.

Полный муки женский крик, раздавшийся откуда-то слева, невольно привлек внимание Леаттии, и она опасливо сделала несколько шагов в ту сторону, не зная, пора ли бежать несчастной на помощь.

А едва завернув за угол, оцепенела, потрясенная увиденным. За распахнутыми настежь окнами виднелась очень странно обставленная комната, но это припомнилось Леа значительно позже. В первые мгновения она не могла отвести взора от окровавленной исхлестанной спины нагой женщины и такого же нагого мужчины, с упоением полосующего ее плетью.

Леа смотрела на них всего пару секунд, затем сбежала стремительно, как заяц, за которым гонится стая волков. И только в гостиной, переведя дух, с ужасом поняла, кого минуту назад ей «повезло» лицезреть.

Собственного жениха, герцога Манреха Кайора Брафортского, приходящегося ей настолько дальним родственником, что этого не могло показать даже родовое древо.

Вот в тот миг и рухнуло, как песочная крепость, придуманное ею прекрасное будущее, в котором она сидит на троне рядом с мужем в окружении сыновей и подданных. И хотя далеко не сразу Леаттия до конца осознала, чем грозит ей брак с человеком, развлекающимся таким постыдным образом, но уже ненавидела его так же горячо, как совсем недавно обожала.

Потому и поступила так, как ей более всего хотелось. Опустила пониже капюшон и ушла из дворца.

Ринувшемуся наперерез дворецкому Леа, всхлипывая от пережитого ужаса и омерзения, сообщила, что больше ждать не может, опасаясь не застать матушку в живых. И домчалась до родного дома, не видя ни дороги, ни людей, всего за пару минут.

Мать была еще жива, но очень плоха, и Леаттия в одиночестве просидела рядом с ней два часа, оплакивая и ее веру в то, что дочь удачно пристроена,

и собственные разбившиеся мечты.

А ведь и раньше доходили до нее намеки и сплетни, хотя и редко, герцога в Югрете боялись просто до дрожи. Но тогда юная графиня не придавала им никакого значения, народ всегда сплетничает о своих правителях и зачастую плетет несусветные небылицы. А вот после той, несостоявшейся аудиенции Леа припомнила все. И скоропостижную кончину первой жены Манреха, якобы упавшей из окна в заросли гигантских кактусов, и слишком быстро исчезающих из дворца герцогских фавориток. Нет, ни одна не умерла, все они уехали по вполне безобидным причинам. Наследство, замужество, уход в монастырь. И ни одна больше не появилась в Югрете.

Леа всхлипнула еще горше, осознав, что ей самой даже бежать будет некуда, ведь у нее не осталось больше ни одного из близких родичей.

А потом появился встревоженный герцог, окинул настороженным взглядом комнату, опухшее от слез лицо невесты и, заметно успокоившись, начал уверенно раздавать приказы и гонять посыльных. Леаттию отправили умываться и обедать, возле постели умирающей уселась опытная сиделка в крахмальном чепце и фартуке, слуги принялись готовить гостиную и спальни для тех, кто придет проститься с графиней Брафорт, кровной праправнучкой великого герцога Юлиара Брафортского.

Никто в герцогстве не знал точно, отчего в древности, после трагической гибели очередного герцога Брафорта, титул и власть наследовали не его дочери, а сыновья троюродной сестры, но спорить с задиристыми вояками Кайорами, имевшими в тот момент под рукой больше трех тысяч хорошо вооруженных ратников, не рискнул ни один из законных наследников.

С тех пор уже почти триста лет потомки Юлиара числились просто графами, постепенно беднели и вымирали. Но пять лет назад Манрех пожелал снова соединить разошедшиеся когда-то пути двух старинных родов. Он действовал очень решительно: едва Леаттии исполнилось пятнадцать, приехал с предложением помолвки, уверенно пообещав, что не будет настаивать на свадьбе до третьего совершеннолетия невесты.

И граф Брафорт вынужден был дать согласие, еще не зная, что дожить до этой свадьбы не суждено ни ему самому, ни его жене.

Леаттия горько вздохнула и усилием воли задвинула подальше эти воспоминания. Помочь родителям она уже ничем не могла, но нужно было попытаться спасти хотя бы свою судьбу.

Стыдно вспомнить, как глупа и доверчива она была. Впрочем... она и до сих пор такой осталась, раз намеревалась прочесть принесенное незнакомкой с полей вечности письмо и даже заранее ему верила.

Но, как вскоре оказалось, не верить не было никаких оснований. В написанной рукой матери записке были намеки на события, которых не могли знать посторонние, а оттиск печатки полностью совпадал с кольцом, которое уже почти луну украшало палец Леаттии.

Второй листок был исписан незнакомым, нарочито безликим почерком и состоял всего из пяти четких указаний, каждое из которых графиня сразу же признала непреложным и потому намеревалась выполнить как можно точнее.

– Чай будете пить, ваша милость? – заглянула в комнату крепкотелая женщина средних лет со взглядом ищейки.

– Спасибо, Берта, – кротко поблагодарила хозяйка, как обычно сидящая в кресле у окна, – пока не хочу. Схожу в склеп, помолюсь за матушку, тогда и пообедаю.

– Может, хватит уже истязать себя? Ваша милость скоро на тень станет похожа, – с деланой жалостью вздохнула шпионка, но в ее взоре не промелькнуло и искры сочувствия.

– Еще несколько дней, ты же знаешь закон, – уныло выговорила Леа, изо всех сил стараясь ни в чем не отступить от сложившегося за эти дни порядка. – Но ты можешь посидеть в зале прощания и выпить горячего чаю, если возьмешь с собой корзинку. Там и в самом деле прохладно.

– Прихвачу и на вашу долю, – так же привычно отозвалась Берта, и Леа тихо усмехнулась ей вслед.

Служанка непременно все возьмет и не забудет бутылочку с малиновкой, которую считает лучшим средством от простуды, даже не догадываясь, что Леа уже высыпала туда несколько порошков снотворного.

И все остальное успела приготовить, хотя и носилась по спальне, как белка. Надела на себя самую простую и удобную одежду, взамен нижних юбок – пару темных отцовских штанов плотного полотна, а вместо обшитого оборочками и кружевом корсажа – три темные блузки и замшевый отцовский охотничий жилет, в карманы которого рассовала все самое ценное. Сверху с трудом натянула юбку для верховых прогулок и самое простенькое и темное из материнских платьев. Хотя за последний месяц Леа сильно исхудала и собственные наряды висели на ней как с чужого плеча, но даже они не налезли на все надетое ранее.

Потом, начиная задыхаться от духоты и понимая, что иначе нельзя, ведь ей придется изображать довольно плотную Берту, графиня закутала плечи в теплую шаль, благо в фамильной усыпальнице всегда холодно. А выходя из комнаты, накинула еще и черный траурный плащ, вытащив заранее из его карманов все мелочи и оставив только ключи и свечи.

Берта ждала хозяйку у выхода, и вид у нее был почти довольный, следовательно, бутыл с наливкой уже пристроена на дне корзинки.

Повар, замещавший при случае и кучера, и дворецкого, проводил их внимательным взглядом и вернулся к приготовлению фаршированного гуся. Прист слегка сожалел, что непыльная работенка скоро закончится, давно уже ему не выпадало пожить так сытно и вольготно. Подопечная только тихо плакала и пыталась изображать из себя справедливую хозяйку, но даже не думала ни бежать, ни подкупать их с напарницей, наивно позволяя почти в открытую диктовать свои правила. И хотя втайне опытный шпик чуточку сочувствовал худой зареванной дурехе, но был почти уверен, что ничего особо плохого с ней не случится, пока не родит мужу пару сыновей. Ну а каким ликом жизнь повернется к герцогине к тому времени, не дано предвидеть никому из смертных. О том, что своенравная судьба уже спутала ровные нити прежнего

узора, он пока не мог и догадываться.

Берта шагала все неспешнее и, не дойдя до двери в усыпальницу всего пару шагов, неожиданно споткнулась. Потом еще, а едва дотянувшись до стены, начала медленно оседать. Встревоженная Леаттия бросилась к ней, заглянула в лицо и увидела закрывающиеся глаза и обвисшую нижнюю губу. Пахло малиной, и до графини начал доходить весь ужас ее ошибки. Шпионка явно не стала ждать, пока доберется до места, и пропустила рюмочку заранее.

И сейчас свалится прямо здесь, одним махом разрушив все тщательно подготовленные планы незнакомой спасительницы. А Леаттии придется признаваться герцогу в попытке побега, и можно не сомневаться, как он накажет за это строптивую невесту.

Леа всхлипнула, подхватила Берту под руку и больно ущипнула, пытаясь разбудить хоть на минуту. Шпионка и в самом деле дернулась, приоткрыла мутные глаза и попробовала мотнуть головой, но та снова безвольно повисла. Этих секунд графине едва хватило, чтобы толкнуть тяжелую дверь и пнуть внутрь выпавшую из рук Берты корзину. Затем ей пришлось поднырнуть служанке под руку и на себе втащить в усыпальницу тяжеленное тело. Спина, казалось, вот-вот треснет от навалившейся на нее туши, ноги Берты, волочившиеся по гранитным плитам пола, стали почему-то нескончаемо длинными.

Всего пять шагов, но они показались Леаттии невыносимо долгим каторжным трудом. Хрипя и задыхаясь, графиня волокла спящую шпионку и с ужасом ожидала оклика Приста, неустанно следившего за ней с почти нескрываемым пренебрежительным превосходством.

И Леа его понимала, уж этот прожженный шпион никогда не стал бы сидеть целыми днями у окна, оплакивая свою судьбу, а давно уже был далеко отсюда. Но он этому где-то учился, тренировался, а Леа даже гостиницу снять не сумеет, не говоря о том, чтобы нанять повозку и купить место в обозе.

Да и бесполезно это. Едва Манреху доложат о ее бегстве, он немедленно закроет все ворота Югрета и пошлет своих гвардейцев в погоню за всеми покинувшими город обозами и путниками.

Как собирается решить эту проблему незнакомка, Леа не думала. Бросив Берту прямо на полу, девушка плотно прикрыла дверь и тяжело, со всхлипами дыша, обессиленно опустилась на каменную скамью. Но отдыхала недолго: понимание, как быстро тают надежды на успешный побег, заставило вскочить и схватить корзинку. Покопавшись там, Леаттия нашла чайничек с горячей водой, плеснула немного в бокал и сунула в рот одну из пилюль, прихваченных из шкатулки с целебными снадобьями. Лекарство было еще матушкиным, и она всегда говорила, что пилюли снимают боль и придают бодрость.

Ждать, пока снадобье подействует, графиня не стала, неуклюже присев, развязала чепец Берты и тихо ругнулась, рассмотрев, как коротко стрижена ее служанка.

В глубине ее головного убора лежал скрученный клубком шелковый шарф, и в нем было что-то завернуто. Леа лишь мгновение колебалась, брать его или нет, потом все же сунула клубок в карман, сразу став крутобокой, как селянка. В другой карман она для равновесия положила собственную шляпку и решительно натянула чужой чепец.

Затем, так же уверенно стащив с Берты простую серую накидку, Леаттия набросила ее на себя, взамен накрыв служанку собственным плащом. Послала последнее «прости» в сторону ведущего в склеп прохода и, моля богов о помощи, тихонько открыла дверь наружу. Секунду постояла, с замирающим сердцем оглядывая запущенный сад и начиная понимать, как зря тряслась от страха, таща Берту в усыпальницу. Окон кухни, где остался хозяйничать Прист, отсюда рассмотреть было невозможно, их загораживали ветви начинавших зеленеть деревьев.

Переведя дух, Леа свернула на дорожку, ведущую в глубь сада, и некоторое время брела неспешно, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать. Если за их замком кроме подставных слуг следит кто-то еще, он ни в коем случае не должен заподозрить подмены. А Берта всегда ходила неторопливо... хотя теперь Леа понимала, что это было всего лишь притворством.

Простая мысль, что неизвестный наблюдатель давно бы уже задался вопросом, зачем это соглядатайка идет в самую глухую часть сада, и сейчас мчался бы за ней следом, пришла Леаттии на ум только минуты через две. К этому времени начала понемногу действовать пилюля, и действительно откуда-то появились и

силы, и решительность. А последнее соображение заставило девушку запаниковать, замедлить шаг и несколько раз оглянуться. Выдавать своих спасителей хотелось меньше всего. Ведь если ее герцог просто запрет в своих покоях, то их прикажет засечь на площади, и вся вина за чрезмерно суровое наказание ляжет ей на душу тяжким камнем.

Однако погони по-прежнему не было, и Леа двинулась дальше, незаметно даже для самой себя двигаясь все быстрее.

К ограде, где с незапамятных пор вывалилось несколько камней, открыв перелаз на заросший кустами и орешником довольно крутой берег протоки, графиня почти прибежала. А добежав, остановилась, сраженная наповал неожиданно сделанным открытием: оказывается, герцог про этот тайный ход знал. И даже позаботился о том, чтобы вернуть стене былую целостность и неприступность, об этом свидетельствовал не успевший потемнеть раствор идеально ровной кладки.

Несколько секунд Леа, захлебываясь подступившими слезами, смотрела на это свидетельство незыблемости намерений жениха, потом развернулась и побежала вправо, туда, где росла возле стены раскидистая шелковица. Единственное дерево, на которое юная графиня умела влезать без посторонней помощи. И единственное, с которого можно было перебраться на стену.

- Стой! - догнал ее негромкий, но злой окрик. - Куда помчалась?

- Стою... - уронив руки, медленно повернулась она к сидящему на стене шпиону, - никуда не бегу.

- Не стой, иди сюда! - мгновенно поправился незнакомец. - Я лестницу спущу.

- Зачем? - безнадежно буркнула графиня, разом потеряв и силы и желание бежать.

- Чтобы тебя оттуда вытащить. Да поторопись.

- Я не влезу по лестнице... - еще неуверенно пробормотала Леа, рассматривая бородатого мужчину в низко надвинутом на глаза пастушьем колпаке, и вдруг

решилась: – Лучше по дереву.

Развернулась и помчалась к шелковице, не обращая внимания на едва слышное возмущенное шипение незнакомца. Пусть поворчит, она и сама себя корит. Ну с чего ей померещилось, будто принеся вексель женщина намерена лично встречать беглянку у стены? Чем она смогла бы помочь? Ведь тащить графиню через стену женщине не по силам. Ну а раз они тщательно обдумали план побега, то непременно должны были проверить, на месте ли перелаз и не сторожат ли его гвардейцы герцога. И изобрести, как Леаттии преодолеть стену.

Шелковица, к которой стремилась графиня, оказалась на месте, и ни одна ветка не исчезла. Видимо, никто не мог и предположить, что покорная и скромная графиня додумается лазить по деревьям. Леаттия поспешно сбросила накидку и шаль, свернула тючком и привязала за спину приготовленным шнуром, это действие она продумала заранее, готовясь к побегу. Потом решительно приподняла юбки до колен, заткнула подол за пояс и привычно поставила ногу на нижнюю ветвь. Через минуту она была наверху и уверенно продвигалась по толстой ветви к стене. Незнакомец уже тоже добрался до этого места, внимательно следя за ее действиями, и протянул руку, едва Леа оказалась почти рядом.

Спеша оказаться на стене, графиня шагнула чуть шире и едва не оступилась, но крепкая рука вцепилась в ее ладонь, сильно дернула, и в следующий миг Леа уже была крепко притиснута к груди незнакомца.

– Лазать по деревьям ты умеешь, – усмехнулся он, – а вот с выдержкой плоховато. И слишком доверчива. Разве тебе не написали пароль?

– Написали, – от огорчения прикусила губу беглянка. – Но я...

– Говори.

– Вечером будет гроза, – и не подумала упрямитесь Леаттия.

Признавать свою неправоту очень непросто, но она этим умением обладала.

– Зато утром будет солнечно, – вздохнул он с откровенным облегчением, и графиня снова почувствовала себя наивной неумехой.

Ведь не одна она рисковала, доверяясь чужим людям, они могли заплатить в случае провала гораздо большим. Герцог никогда не прощал тех, кто осмелился пойти поперек его указов или желаний.

– Уходим. – Пособник уже зацепил за ветку какую-то металлическую штучку, застегнул на талии Леаттии широкий ремень, к которому был привязан второй конец веревки, и подвинул девушку к краю. – Просто держись подальше от стены и поглядывай вниз, чтобы нога не попала между камней. Я сам тебя спущу.

Перекинул веревку через плечо и столкнул со стены не успевшую и слова сказать графиню. Леа испуганно ахнула, но почти в тот же миг пояс ощутимо дернул ее, и графиня заболтала ногами в воздухе.

– Кричать не нужно, – сердито сообщили сверху, и стена, напротив которой висела Леа, быстро поползла вверх.

Вскоре девушка почти успокоилась и вспомнила, что ей велено смотреть вниз. Попыталась изогнуться и расстроено сжала губы: поднятые юбки и набитые карманы – вот все, что ей удалось разглядеть. Ну еще краешек штанин, заправленных в крепкие дорожные ботинки.

Каменистый склон ударил по пяткам неожиданно, но стоявший на стене незнакомец мгновенно придержал веревку, не давая графине упасть.

Она поспешно пошарила ногами, вставая поудобнее, и расслышала выданный шепотом приказ:

– Прижмись к стене.

Леа немедленно выполнила его, бросилась к ограде, споткнулась и едва не упала, но успела опереться о камень, хотя и ободрала ладонь. Но даже не ойкнула, хорошо осознав за время спуска, как осмотрительно нужно вести себя за пределами своих владений.

Бывших владений, пора посмотреть правде в глаза. Вернуть все, что принадлежало ей всего несколько минут назад, Леаттии не суждено никогда. Больше она не увидит место, где спят вечным сном ее предки, и не войдет в родной дом, в комнатах и залах которого провела, как внезапно выяснилось, лучшую часть жизни.

Только в одном случае графиню Брафорт привезут сюда, но уже под охраной, как преступницу, – если ей не удастся уйти далеко. И этого нужно постараться избежать любым способом, иначе участь ее будет ужаснее, чем у самых бесправных рабов.

Глава вторая

Прист почувствовал неладное, когда вынул из духовки гуся и поставил на разделочный стол немного остыть. Берта обычно к этому времени уже являлась и молча подвигала ему свою тарелку, требуя сложить туда ее любимые части гусиной тушки. Затем он выбирал куски для себя и лишь после этого резал ломтиками оставшееся мясо и красиво раскладывал по блюду, перемежая маринованными овощами и посыпая зеленью. Но и из этого большую часть доедали они с Бертой на ужин, молоденькая хозяйка ела очень мало.

Подождав несколько минут, временно исполняющий обязанности повара и дворецкого соглядатай снял фартук и накинул куртку, скрупулезно проверив, все ли на месте в карманах. Пока неясно, доведется ли сюда вернуться, но всегда лучше быть готовым к самому плохому – не будешь после жалеть о собственной недалёковидности.

Шагнув за порог, шпион оглянулся на румяную тушку, приготовленные овощи и накрытый полотенцем свежий хлеб, усмехнулся и крепко прикрыл дверь. Пусть все остается так, если ничего не произошло, этот гусь никуда от него не денется. Зато в случае беды никто не сможет даже заподозрить, будто шпион готовился к побегу.

Дверь в усыпальницу была плотно закрыта, и, едва приотворив ее, Прист убедился в правильности своих действий. Сразу за порогом лежало тело, накрытое черным траурным плащом хозяйки. «Неужели Берта ее убила и

сбежала?» – мелькнула первая, безумная мысль, но тут же растаяла, едва шпион рассмотрел видневшиеся из-под плаща башмаки напарницы, слишком хорошо ему знакомые, чтобы ошибиться. Он сам время от времени пришивал к их подошвам куски плотного фетра, для бесшумности.

Выходит, это графиня убила напарницу.

И это не казалось бы особой бедой, если бы герцогская невеста тоже лежала рядом в обмороке. Но ее не было, значит, девчонка оказалась хитрее, чем он думал. И скорый на расправу Кайор не будет выяснять, чем занимался в тот момент Прист. Мгновенно отправит к палачу и сам придет туда же, опробовать какую-нибудь новую игрушку, после которой узник сам будет молить богов о смерти. Следовательно, нужно бежать, и немедленно, и, стало быть, верно он сделал, присмотрев заранее незаметную лазейку на волю.

Прист развернулся, закрыл дверь и, опасливо озираясь по сторонам, помчался к пустой конюшне, откуда наружу вело небольшое оконце для навоза. Как раз впору, чтобы ускользнуть незаметно. Жалеть о прибыльной работе шпион и не думал, давно зная, что однажды придется бежать, бросив все. Потому и не держал своих ценностей ни в банке, ни в бумагах, а прятал очень далеко и надежно.

Леаттия о судьбе шпионов не думала, ей хватало волнений о своей собственной. Едва спаситель спустился со стены, жизнь графини вмиг стала похожа на охоту, причем зверем была она сама. И одновременно на байку о проделках разбойников, и жертвой тоже была Леа.

Незнакомец безапелляционно отобрал у спасенной – или жертвы, решить, что точнее, графиня пока не могла, – тук с вещами и оттягивающие ее пояс кошель с золотом и драгоценностями. Забрал отцовское оружие, шарф Берты и шляпку Леаттии и сложил все в мешок вместе с веревкой.

А потом задумчиво уставился на графиню и хмуро спросил:

– У тебя под платьем есть еще одежда?

- Да, - бледнея, выдавила графиня.

- Тогда его лучше снять, с длинными юбками здесь замучаешься. А носить тебя я не буду.

Леа с тоской оглядела непроходимые заросли прошлогодних репьев и молодой крапивы, тайком потерла уже обожженную руку и обреченно вздохнула. Она теперь больше не графиня и не наследница знатного рода, а безымянная сирота, и выбирать не приходится.

- Отвернись.

- Нет, - подступил ближе незнакомец. - Сама ты будешь копать полчаса, а время сейчас дороже бриллиантов. Я помогу, и не смотри так возмущенно. Ты ведь сама приняла решение, и назад хода все равно нет.

Решительно ухватил подол платья и потянул его вверх.

Графиня в отчаянии стиснула зубы. Умом она понимала, как он прав, но принять эту правоту сердцем не могла. А сопротивляться или спорить не имела достаточно смелости.

Спаситель же ловко снял с нее одно платье, одобрительно хмыкнул и почти мгновенно стащил и юбку.

Едва сдерживая слезы, Леаттия с вызовом уставилась на бородача... и растерялась, рассмотрев, с каким изумлением он изучает надетый на нее мужской жилет.

- Это тоже придется снять, - буркнул бородач, заметив ее взгляд, и словно ненароком пощупал рукав блузы. - Ты натянула всю одежду, какая была в доме?

- В записке было...

- Я знаю, сам писал, - умело и стремительно расстегивая на ней жилет, сообщил он. - Надеюсь, ты ее сожгла?

– И вексель тоже, – отрешенно кивнула беглянка. – А еще все документы, которые не вошли в тайник и не могла взять с собой.

Говорить о том, что тайник запирали еще матушка и она же три дня, роняя горькие слезы, жгла свои дневники, письма отца и записки всех предков, которые имели пристрастие к сочинительству мемуаров, Леаттия не собиралась.

– Понятно, – нахмурился спаситель, заглянул во внутренние карманы жилета, но доставать ничего не стал.

Туго свернул все вещи и отправил в свой почти не раздувшийся серый мешок. Взамен достал выцветший синий платок в мелкий горошек и сам накрыл им голову девушки, низко надвинув на лоб и завязав узлом под подбородком. Затем закинул мешок за спину, велел не отставать и торопливо направился вдоль стены в ту сторону, где раньше был пролом.

Леа всхлипнула и крепко стиснула губы, стараясь сдержать готовые брызнуть слезы. Хотя не могла не понимать, насколько незначительна по сравнению с остальными утратами ее последняя потеря – длинная юбка, обязательная только для самых знатных дам. Богатым горожанкам разрешались наряды покороче, едва прикрывавшие щиколотки, а прислуге во дворцах и замках предписывалось шить платья на палец выше края ботиночек. Селянки и бедные служанки и вовсе носили короче на ладонь, и это было правильно, ведь им приходилось частенько нагибаться. И только женщинам, вынужденным путешествовать с обозами, позволялось носить мужские костюмы, но надевать к ним короткую, чуть ниже колена, юбку.

Юная графиня иногда тайком завидовала им всем, когда со всевозможными уловками выбиралась после прогулки из-под испачканного подола. А вот теперь ей, последней наследнице славного рода основателей и властителей Брафорта, вообще никакой юбки не досталось. Больно сжималось сердце и перехватывало непрошеными рыданиями горло от осознания того, как сурово расправилась с ней судьба. Но вовсе не сейчас, когда Леа сама выбрала безвестность и бедность, предпочтя их участи жертвы собственного мужа и понимающим взглядам всезнающих слуг и приближенных Манреха. А много раньше, год назад, когда так страшно и непонятно погиб отец, оставив их с матерью без последней защиты и поддержки.

Некоторое время, постепенно успокаиваясь, Леа покорно брела следом за незнакомцем, раздвигая руками сорняки и ветви. И с каждым шагом все яснее понимала, как не права была несколько минут назад, так огорчаясь из-за потери привычных юбок. Сейчас ей пришлось бы тащить длинный подол амазонки, по моде обязанный подметать позади пол, вместо того чтобы следить, как бы не оцарапаться о сухие стебли сорняков и не обжечься о вымахавшую выше пояса злую, как стая ос, крапиву.

– Скоро придем, – мельком оглянувшись, буркнул провожатый, резко свернул вниз, в сторону медленной, но довольно широкой Терсны, и пошел еще быстрее.

Леа промокнула платочком мокрое лицо и тут же рассердилась на себя за эти несвоевременные слезы. Плакать нужно было раньше, когда она еще не была уверена, что хранящие род Брафортов духи однажды услышат ее мольбы и пошлют способ избежать проклятого союза. Леа с детства не выносила боли и до дрожи боялась и ненавидела тех, кто способен ее причинить. Особенно палачей. И хотя, повзрослев, неохотно приняла неизбежность телесных наказаний, но лишь заслуженных, в ответ на боль и горе, причиненные разными негодьями своим жертвам.

И тем не менее никогда не ходила на площадь, когда там кого-нибудь пороли, и настрого запретила слугам обсуждать жуткие зрелища, справедливо считая это смакование признаком дурного вкуса и воспитания.

Графиня задела рукой пышную ветку крапивы, зашипела, получив ее обжигающий дар, и потерла влажным платочком пострадавшее место, обещая себе перестать раскисать и плакать в самом начале ведущего в неизвестность пути. Наверняка на новой жизненной тропе поводов для слез у нее будет предостаточно.

– Сюда, – приподняв низко склонившуюся ветку ивы, скомандовал спаситель, и Леа послушно шагнула на узкую полоску сырого прибрежного песка. – Стой там и не шевелись.

Девушка пожала плечами и замерла, глядя на Терсну, спокойно несущую мимо нее свои воды. Глупо спорить с единственным отважившимся прийти ей на помощь жителем герцогства, а тем более начинать проверять правильность его

действий. Ведь до сих пор все, что делал незнакомец, было вполне благоразумно, и указания ей он прислал четкие и логичные. Непонятно пока, почему не велел брать с собой никаких запасных вещей и еды, Леа уже не против перекусить. Как выясняется, такие прогулки весьма полезны для аппетита.

Девушка осторожно покосилась через плечо назад, туда, где минуту назад находился ее спаситель, и обмерла от ужаса. Поблизости никого не было. Леа даже головой мотнула, отгоняя страшную догадку, казавшуюся самой верной из всех возможных и идеально подходящую случаю. Ее обманули пронырливые воры, добывшие где-то для образца письмо матери, что особого труда не составляло, – матушка до последнего переписывалась с просителями и знатными горожанами.

А она поверила и своими руками отдала все – и украшения, и деньги до последней монетки, оставив на пальце лишь фамильную печатку, а на шее – родовой амулет. И теперь ей не на что купить даже кусок хлеба и какую-нибудь одежду. А в таком виде выйти на улицы города невозможно, особенно днем. Да и не найдет она дороги назад, а если и найдет, то лишь до той же стены, от которой недавно ушла.

От отчаяния и горя девушке хотелось взвыть во весь голос, но горло перехватил спазм, позволивший лишь горько всхлипнуть.

– Тише, – шикнуло откуда-то сверху, и Леа мгновенно перевела взгляд туда.

По склонившемуся к воде стволу осторожно полз к реке ее спаситель, толкая перед собой мешок с вещами. С этого момента девушка не сводила с него взора, пытаясь понять, ради чего он туда залез и почему не мог выйти на берег вместе с ней. А бородач постепенно добрался почти до конца ветви и вдруг, перегнувшись, опустил мешок вниз. Леа замерла, ожидая всплеска, но его почему-то не было.

Наверное, мешок не сразу ушел в воду, а поплыл, подумалось графине, но утверждать категорично она не стала бы. Из-за уже выпустивших листочки густых ветвей и прибрежных камышей рассмотреть ничего не удавалось, и девушка обреченно вздохнула, начиная догадываться, что следовало распрощаться со своими ценностями заранее, тогда обида жгла бы душу не так

остро.

А мужчина соскользнул с ветви, повисел на вытянутых руках несколько секунд и исчез столь же бесшумно, как и ее вещи. Сердце Леаттии снова сжалось от страшного предчувствия, но она даже не пошевелилась. Крепко стиснув в пальцах измятый и сырой платочек, упрямо смотрела туда, куда упал ее загадочный спутник, и терпеливо ждала сама не зная чего. Секунды текли неторопливо, как загустевший мед с ложечки, и казалось, вместе с ними замерло все вокруг: медлительная река, утомленный полуденный ветерок и притихшие птицы.

Камыши раздвинулись внезапно, выпуская что-то темное, облезлое и неприятное, и графиня невольно отшатнулась назад, почувствовав неодолимое желание бежать отсюда как можно дальше. Но не побежала, помешало какое-то чувство, то ли врожденная гордость, то ли надежда, а скорее всего, фамильная сдержанность, с какой все отпрыски ее рода обязаны встречать неожиданности и неприятности и какой Леа до сих пор в себе не находила.

Темное старое дерево выплывало из камышей неспешно и неотвратно, и графиня наконец догадалась, что это такое. Лодка, но и близко не такая, какие она видела до этого дня. С другой стороны холма, на котором стоит их небольшой замок Гардез, построена надежная каменная пристань. Берег Терсны там расчищен, и с набережной к пристани ведет широкая гранитная лестница. Леа с детства обожала там гулять и кататься на лодке, но после смерти отца не ходила на набережную ни разу. И все равно хорошо помнит, как выглядели снующие по реке крутобокие ялы, низкие плоскодонки и белокрылые яхты. Все они сияли свежей краской, стеклами иллюминаторов, полированным деревом кают и жарко начищенной медью всевозможных ручек и болтов.

А эта словно пролежала на берегу лет двадцать, и странно, что еще не развалилась от дряхлости.

– Быстро сюда, – сердитым шепотом приказал стоящий на корме бородач и изогнулся, упираясь шестом и подгоняя лодку ближе. – Ну!

Низкий борт плоскодонки оказался в паре локтей от графини, и она вполне могла бы их преодолеть, если бы кто-то подал руку. Но никого, кроме строгого незнакомца, в лодке не было, и Леа не могла представить, как ей туда попасть

без посторонней помощи. Стояла и смотрела, как двигается мимо ее надежда на спасение, не в силах решиться на отчаянный шаг и чувствуя, как от безысходности начинают дрожать губы.

– Ну! – грозно рыкнул спаситель, чуть повел шестом, и лодка послушно вильнула к берегу.

Леа нерешительно наступила ботинком на зыбкую границу суши и почувствовала, как подался под ногой мокрый песок. Отпрянула было назад, но не успела. Бородач стремительно нагнулся, схватил ее за предплечье и одним рывком втащил в лодку, бросив к своим ногам, как котенка.

И тут же отпихнул подальше, перехватывая поудобнее шест. Леа приподнялась, потирая ушибленное колено, и, едва сдерживая слезы, с горечью поздравила себя с удачным выбором. Раньше ее бил бы только собственный муж, а теперь, похоже, будут все кому не лень. Да еще и в ботинке хлюпает, непонятно как, но она умудрилась зачерпнуть воды.

– Давай сюда башмаки, – еле слышно приказал бородач, удерживая шестом лодку. – Да побыстрее!

Леа села на черную доску, заменяющую здесь привычные ей скамейки с резными спинками, покорно стянула единственную обувь и сунула в протянутую ладонь незнакомца. И едва не охнула, увидав, как ловко он зашвырнул ботинки на берег, туда, где она стояла несколько секунд назад.

– У меня запасных нет, – обреченно проговорила девушка, стеснительно поджимая босые ступни.

– Знаю, – прошипел спаситель, в пять взмахов отогнал лодку от берега, закрепил в петлях шест и перебрался на середину развалины, держащейся на воде лишь по недоразумению. – Иди туда, придется немного посидеть в ящике.

– В каком еще ящике? – не поняла Леаттия, оглянулась и не поверила своим глазам.

Одна из досок, накрывавшая кормовую часть лодки, была приподнята, и под ней темнело отверстие, ведущее в крошечный, размером с собачью будку, трюм.

– Тебя будут искать. – Покопавшись в снастях, незнакомец достал фляжку, открыл крышку и сделал несколько глотков. – Пить хочешь?

– Нет, – качнула головой Леаттия, понимая, как мало сейчас ее жизнь зависит от каких-либо желаний. – Я там не помещусь.

– Поместишься, – уверенно заявил он, – калачиком. Там лежит плед, ноги прикрой, чтобы не простыть. Но сначала сними печатку и амулет, на тебе где-то маячок.

И уставился ожидающе, не оставляя девушке никакого выбора.

Леа горько усмехнулась – смешное объяснение, но спорить снова не стала, сняла последние родовые драгоценности и сунула ему в руку.

Через пять минут она уже лежала, подтянув колени к груди, в темном тесном ящике и с тоской поглядывала на маленькую дырку от сучка, единственный источник света и свежего воздуха. И лишь одно обстоятельство давало слабую веру в правильность сделанного выбора. Засунутый Леаттии под голову серый мешок с ее одеждой и драгоценностями.

Глава третья

– Ваша милость, просыпайтесь! Ваша милость...

Еще не до конца вынырнув из дремы и пока не открывая глаз, Леаттия неверяще вслушивалась в робкий женский голос, и в ее душе поднималась буря протеста и отчаяния.

Неужели она дома?

Выходит, все это был просто сон? Спуск со стены, крапива, река, утлая лодочка... пропахший рыбой ящик, уверенный, хотя и почти неслышный плеск весел...

Леа разочарованно вздохнула, шевельнула рукой, собираясь привычно поднести к глазам платочек, и едва не охнула, задев одежду оцарапанной ладонью. Значит, побег ей не приснился? Как и река, брошенные на песок ботинки и бесконечное мерное покачивание плывущей куда-то лодки? Вот под него она и уснула, устав плакать от жалости к самой себе и обманутым чаяниям родителей.

«А может, нас поймали и меня привезли назад?» – встревожилось все яснее сознание. Или даже сразу во дворец, принадлежавший когда-то ее прадеду?

Нет, только не это... пусть будет все что угодно, только не туда.

Девушка тихо всхлипнула, мотнула головой и тотчас услышала огорченный вздох.

– Ваша милость, – позвали ее смутно знакомым голосом.

– Да? – понимая, что деваться некуда, вставать все-таки придется, обреченно буркнула Леаттия и открыла глаза.

Несколько секунд рассматривала светлеющее над ней узкое отверстие, склонившийся к нему темный, явно женский силуэт, и в душе начинала разгораться почти угасшая надежда. Девушка попыталась выпрямить ноги, уперлась ступней в доски и наконец уверилась, что по-прежнему лежит в трюме старенькой плоскодонки.

– Ты кто? – хриловато осведомилась она, вглядываясь в темный силуэт.

– Имен нам пока называть не положено, – удрученно вздохнула приходившая с векселем женщина и оглянулась на кого-то невидимого. – Борода запретил. Чего не знаешь – того не выдашь. Но ваша милость может звать меня тетусшкой.

– Я больше не «милость», – вспомнила Леа собственные размышления и невесело усмехнулась. – А новое имя еще не придумала.

– Ты теперь считаешься нам племянницей, пока не доберемся до места, – подозрительно быстро согласившись с заявлением графини, пояснила спутница и предложила: – Давай руку, помогу выбраться. Пора переодеться и поесть.

– А... – вспомнив о более насущных проблемах, заикнулась графиня и вдруг сообразила, как многого не знает о жизни простых людей.

Где они умываются, что едят, как спят... и прочие, очень важные мелочи. Но что обитого бархатом кресла и ночного горшка для нее никто не припас, уже начала догадываться. Как и о том, сколько придется перенести насмешек и пренебрежительных взглядов, пока она изучит все премудрости жизни, в которой необходимо уметь все делать самой и обходиться самым малым.

А ведь она до этого момента считала себя очень неглупой и образованной девушкой, изучала языки соседних государств, их законы и традиции, историю, искусства и ремесла. Но даже не представляла, с чего нужно начинать чистить рыбу или простую морковку.

Женщина помогла девушке вылезти из ящика, одернула на ней блузки и подала простенькие парусиновые туфли. Явно ношенные, зато подошедшие по размеру. И молча повела куда-то по проложенной сквозь камыш тропке из срезанных стеблей. Очень скоро они пришли к стоящему под ивой шалашу, возле которого уже что-то варилось в закопченном котелке, пристроенном над малюсеньким бездымным костерком.

– Переоденемся в кустах, – предупредила спутница, подхватила стопку лежащей на мешке одежды, и они отправились дальше, по такой же узкой тропке.

На маленькой полянке, загороженной со всех сторон камышом и густыми кустами, бил из-под пня крохотный чистый родник, и новоявленная тетушка внезапно предложила свежее испеченной племяннице раздеться. И с сочувствием сказала, глядя во встревоженное лицо графини:

– Меня тебе не нужно бояться. И Бороду – тоже. Ты же умная девушка, должна понимать: хотел бы он тебя убить – просто сбросил бы с лодки на стрежне. Ведь все самое ценное ты ему отдала сразу. Пойми, везти тебя через границу в таком виде нельзя, жених небось уже везде отправил сыскарей и глашатаев с портретами. Поэтому придется менять внешность.

Леа пристыженно кивнула и начала раздеваться.

– Ох, темная сила, да они не кормили тебя, что ли? – не выдержала спасительница, когда последняя блузка легла в довольно внушительную кучку. – И как только не задыхнулась во всем этом. Ну, начнем, а то есть уже хочется.

Мастерство перевоплощения тетушка, пояснившая, что занимается травами, знала отлично, и меньше чем через час русоволосая и белокожая Леаттия стала смуглой брюнеткой с густыми черными бровями и вытянутыми к вискам глазами. Тоже почти черными, пара капель какого-то зелья мгновенно погасила яркую фамильную синеву.

Преображение завершил принесенный травницей наряд: темно-синее прямое платье с разрезами по бокам, выглядывающие из-под него тонкие шаровары того же цвета и знакомый уже Леаттии платок в горошек. Только теперь его полагалось носить по-другому, низко надвинутым на лоб, завязав два конца на затылке. Свободные концы платка при этом падали на спину, поверх просто заплетенных кос.

– В Югрете сейчас много беженцев из Харказа, – охотно поясняла травница все свои действия, попутно смазывая зельем ссадины и царапины графини. – После трех лет засухи там голодно и свирепствуют болезни. Все, кто могут работать слугами или наемниками, перебрались в наше герцогство и в соседнюю Банлею. А у тебя в Югрете была я, родная младшая сестра твоей матери.

– Значит, я сирота? – понимающе кивнула Леаттия, признавая правильность временной легенды. – Но откуда тогда взялся Борода?

– Он мне кузен, – с тонкой усмешкой пояснила травница, – и тоже знахарь, а живет в небольшом городке. В столицу приезжает редко, по делам, но всегда меня проводывает. А в этот раз, узнав, что я приютила племянницу, пригласил пожить у него, следить за хозяйством и помогать собирать травы. В трудные времена выживать вместе всегда легче.

– А в Брафортском герцогстве тоже трудные времена? – задумалась графиня, к стыду своему начиная понимать, как мало интересовалась бедами своей маленькой страны последние пару лет.

Сначала ее волновала предстоящая свадьба и редкие встречи с женихом, потом – смерть отца и болезнь матери. А теперь – только мысль о том, как избежать ставшего вмиг ненавистным союза.

– Они сейчас везде нелегкие, – уклончиво вздохнула тетушка, споласкивая в родничке руки и мисочку из-под краски.

Все оставшиеся зелья женщина очень тщательно и умело перелила во флаконы и упаковала в висевшую за спиной лекарскую походную суму, Леаттии уже приходилось видеть такие на рыночной площади, в рядах травниц и знахарок.

– Кстати, – уже собравшись уходить с полянки, оглянулась травница, – теперь можешь звать меня Сандией, под этим именем я прожила на окраине Югрета несколько лет. Можно коротко – Санди. А тебя мы пока будем звать Лайной, в Харказе это распространенное имя. Увез туда когда-то мою сестренку черноглазый красавец... Ну, дальше придумай сама. А если язык знаешь, то и вовсе можешь по-нашему не понимать.

– Знаю я язык, – сказала по-харказски Леа и тихо вздохнула.

Все правильно они делают, ее свежеиспеченные дядя и тетя, осторожность сейчас важнее всего. Но как же больно осознавать, что вместе с именем, внешностью и отчизной исчезают последние крохи целого мира, еще недавно бывшего гордой наследницей рода великих основателей Брафорта.

– Отлично, – обрадовалась Санди, тоже переходя на харказский. – Значит, так и будем разговаривать. В Югрете этот язык мало кто знает, предпочитают учить банлейский.

– Его я тоже знаю, – хмуро буркнула беглянка, остро жалея наивную и доверчивую девчушку, отдавшую почти пять лучших лет своей жизни изучению языков и законов, без которых, как искренне тогда считала, просто не обойтись будущей герцогине Брафортской.

И отец с матерью ее не разубеждали, как и жених, всего пять-шесть раз в год приглашавший невесту на самые большие торжества. И с неизменной твердостью отправлявший ее домой, едва заканчивалось праздничное застолье и начинался бал. Фейерверками и магическими картинками Леа любовалась с

балкона родного замка.

Но только недавно начала понимать, почему родители всегда так рьяно поддерживали ее нареченного в этом вопросе. Наверняка опасались, что в праздничной толчее дочь услышит или увидит нечто, не предназначенное для ее глаз и ушей, и начнет интересоваться вещами, которых они не смогут объяснить. Или не имеют права... сейчас это совершенно не важно.

На полянке, где недавно горел костерок, уже не осталось от него и следа. Лишь стояли на стареньком одеяле две миски с вареной рыбой и на салфетке лежал поломанный кусками хлеб.

- Садись, - кивнула знахарка. - Поедим и отправимся дальше. Умеешь есть рыбу?

- Не знаю, - ошеломленно пожала плечами графиня, с тоской признавая себя еще большей неумехой, чем считала еще утром.

- Значит, не умеешь, - спокойно постановила Санди. - Это и немудрено. Повара обязаны позаботиться о том, чтобы на стол господам не попало ни одной косточки. Прежде чем готовить рыбу, все вынимают специальными щипчиками. А мне так копаться некогда было, сварила попросту, по-рыбацки. Впрочем, все бедняки и ремесленники так едят.

- О боги, - расстроилась Леа, рассматривая лежащие перед ней толстые куски. - Как же я проживу?

- Человек ко всему приспосабливается, если хочет жить, а не оплакивать прошлое, - почти равнодушно заметила сотрапезница, но ее взгляд, случайно замеченный графиней, был очень внимательным.

- Я уже все оплакала, что могла, - хмуро фыркнула Леаттия. - Но даже не думала, что настолько не приспособлена к жизни.

- Всему научишься, - тихо пообещала травница. - Я помогу, если хочешь. Просто не стесняйся спрашивать... и поторопись. Возможно, наши пути скоро разойдутся, я просто помогала, и не бесплатно.

– Я что-то должна? – насторожилась беглянка.

– Нет, со мной расплатится Борода, – коротко отказалась Санди, предоставив Леаттии догадываться, что она хотела этим сказать.

С рыбой они расправились за полчаса, как выяснилось, не было ничего сложного в том, чтобы выбирать косточки. Просто тщательно осматривать каждый кусочек, прежде чем класть его в рот, ну так Леа всегда ела очень аккуратно и неторопливо.

Потом травница сложила недоеденную рыбу в одну миску, накрыла другой и сделала из салфетки узелок, мимоходом сообщив, что тут им как раз хватит поужинать.

– А Борода? – спросила девушка просто из вежливости и нахмурилась, почувствовав нежелание спутницы отвечать.

– Он уже поел. Держи одеяло, я понесу рыбу. Идем, да смотри под ноги, с гати в сторону не сходи. Ну, с тропки, по которой мы пришли.

Леа только кивнула, обещая себе поменьше задавать вопросов, побольше смотреть по сторонам и бдительнее наблюдать за спасителями. Пять минут назад ей почти в открытую сказали, что спасали ее не из жалости или ненависти к герцогу, а ради какого-то собственного интереса. Это не могло не настораживать, насколько Леаттии известно, проявляемый чужими людьми к молодой девушке интерес бывает всего двух видов: нажива и похоть.

И ее не устраивал ни один вариант.

Вот только сделать уже ничего нельзя... хотя у каждого в запасе на крайний случай всегда есть самый последний и самый нежеланный выбор. Но сначала нужно испробовать все остальные пути, даже если они приведут в крестьянскую или рыбацью хижину.

Леа обреченно вздохнула и силой воли подавила рвущиеся наружу слезы, начиная догадываться, что никого они здесь не тронут.

Камыши расступились, выпуская спутниц на заросший травой берег, и девушка снова озадаченно замерла, рассматривая парусный ялик, стоявший на том месте, куда два часа назад причалила их хлипкая плоскодонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/chirkova_vera/spasti-nel-zya-ostavit-sbezhavshaya-nevesta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)